

Хань Фэн не любил телесных контактов с другими людьми, но за те полдня, что он провел здесь, он уже и сам не помнил, сколько раз соприкасался с этим мужчиной.

Он чувствовал, что если бы этот человек был прежним, с чистым взглядом Чу Сюэвэнем, то он, пожалуй, не был бы так против.

Чу Сюэвэнь же, сквозь облегающую грубую ткань одежды Хань Фэна, ощущал его сильные и крепкие руки, из-за чего в его сердце вновь поднялась волна восхищения и зависти.

Хань Фэн был немного выше его.

Его фигура, стройная и статная, напоминала крепкую, закаленную ветрами сосну, стоящую между небом и землей.

Каждая мышца на его теле располагалась именно так, как нужно, линии были плавными и естественными, словно в них таилась бесконечная сила; в то же время его четко очерченное лицо с глубокими чертами излучало какую-то особую красоту, от которой невольно захватывало дух.

Стоявший рядом Чу Сюэвэнь, хотя в глубине души и завидовал телосложению и темпераменту Хань Фэна, совершенно не смел этого показывать.

Он прекрасно знал, что за суровой внешностью Хань Фэна скрывается сердце, к которому непросто подступиться, и если он хоть немного неосторожно проявит подобные чувства, то собеседник, боится он, примет его за какого-нибудь легкомысленного и развязного гуляку, заигрывающего с порядочными молодыми людьми.

При этой мысли щеки Чу Сюэвэня пылко вспыхнули, и, словно испуганный кролик, он торопливо выбежал из комнаты.

Глядя на то, как Чу Сюэвэнь спасается бегством, уголки губ Хань Фэна чуть приподнялись, тронутые легкой улыбкой: — А этот книжник и впрямь забавен!

С этими словами он неспешно шагнул во двор.

Едва ступив за порог, Хань Фэн с удивлением обнаружил в самом углу двора старый колодец.

Края сруба были испещрены следами времени, покрыты пестрыми мхом, а каменная кладка выглядела несколько потрепанной.

Это явно был древний колодец с долгой историей, перенесший немало бурь и испытаний.

В сердце Хань Фэна поднялось сильное любопытство, и он невольно зашагал к колодцу.

Когда он приблизился к краю, гладкая водная гладь постепенно отразила его фигуру.

Хань Фэн присмотрелся — и в тот же миг широко распахнул глаза, застыв от полного неверия.

Лицо, отражавшееся в воде в этот момент, было точь-в-точь как его собственное, абсолютно неотличимое!

Как такое вообще могло быть?

Неужели, как гласят те теории о параллельных мирах, в каждом отдельном пространственно-временном измерении существует точно такой же индивид, как ты сам?

Хань Фэн погрузился в глубокие раздумья...

Это открытие сильно удивило его, но он быстро с ним смирился: раз уж он сам смог душой пересечься в иной мир, то что вообще может быть невозможным?

Ужин снова состоял из простой жидкой каши и нехитрых овощей.

Но Хань Фэну показалось, что еда вполне ничего.

А Чу Сюэвэнь был рад тому, что кто-то разделяет с ним трапезу, и это теплое чувство западало ему в душу.

У сельских жителей древности не было никаких развлечений, и вскоре вся деревня погрузилась в тишину.

Многие семьи даже погасили свечи — лишь бы сберечь серебро, потраченное на воск.

Дом Чу Сюэвэня не был исключением: зачастую он занимался чтением и повторением уроков при лунном свете.

Стояла прекрасная осенняя пора, ночной воздух освежал легкой прохладой.

Чу Сюэвэнь накинул на плечи Хань Фэна одну из своих одежд и, сев рядом с ним на каменную скамью во дворе, стал любоваться яркой луной.

— Хань Фэн, где твой дом? — повернувшись и пристально глядя на сидящего рядом человека,

спросил Чу Сюэвэнь.

Ему очень нравился Хань Фэн: хотя они были знакомы всего сутки, ему хотелось узнать о нем как можно больше.

— А что, если я скажу, что позабыл всё, что было раньше? Поверит ли мне Сюэвэнь? — Хань Фэн повернулся к Чу Сюэвэню, одновременно снимая с себя одежду и набрасывая ее обратно на плечи юноши, при этом внимательно наблюдая за его выражением лица.

Этот жест заставил красивое лицо Чу Сюэвэня слегка покраснеть; в сердце одновременно защемило от жалости к тяжело раненому Хань Фэну и в то же время затеплилось робкое ожидание. Он ответил: — Тогда ты можешь остаться здесь.

Хань Фэн ничего не ответил на это, просто потому, что не знал ни происхождения прежнего хозяина тела, ни того, остались ли у того незавершенные дела и долг.

Если таковые имелись, он, безусловно, должен был за него всё исполнить, раз уж воспользовался чужой плотью.

Заметив, что Хань Фэн молчит, Чу Сюэвэнь почувствовал легкий укол разочарования, но настаивать не стал.

В этот самый миг присутствия рядом близкого человека было вполне достаточно, к чему было заранее ломать голову над тысячами неопределенностей грядущего дня?

Он заворуженно смотрел на прекрасное лицо Хань Фэна, которое в сиянии луны казалось еще более волнующим.

Собравшись с духом, он отвел взгляд к ночному небу и тихо прошептал: — Какая сегодня прекрасная луна!

— Да, очень красивая, — так же тихо отозвался сидящий рядом человек, и его мягкий голос прозвучал легко и нежно, словно весенний ветерок, коснувшийся сердца.

Струящийся лунный свет беззвучно падал на них, напоминая тончайшую легкую вуаль, окутавшую обоих и создавшую зыбкую, уютную атмосферу.

Ночь уже вошла в свои права, небеса щедро рассыпали россыпи звездных искр.

Чу Сюэвэнь помог Хань Фэну войти в комнату.

В этот момент Чу Сюэвэнь почувствовал себя еще более неловко, и вовсе не из-за чего-то другого, а потому, что его семья была бедна и в доме имелась всего одна комната.

Когда родители были живы, пространство делила на две половины висевшая занавеска.

Но когда родители ушли из жизни, он потратил все оставшиеся сбережения, чтобы пригласить односельчан помочь с похоронами и проводить их в последний путь.

Согласно давним деревенским обычаям, ту самую кровать, на которой спали его родители, предали огню.

В ревущем пламени, казалось, сгорели и все теплые мгновения, и воспоминания, разделенные с родителями.

После этого он молча убрал занавеску, некогда разделявшую два мира. Вся комната вмиг опустела: в ней не осталось ни привычных силуэтов родителей, ни их тепла, одиноко стояла лишь его собственная постель.

Обычно ее одной ему было вполне достаточно, но как быть теперь, когда они вдвоем?

Хань Фэн, казалось, разгадал его смущение, тихонько хмыкнул и мягко произнес: — Эта постель достаточно широка, на ней вполне поместимся мы оба. Не возражаешь, если я разделю ложе с Сюэвэнем?

— Конечно, нет, — послышался поспешный голос Чу Сюэвэня.

В душе он невольно подумал, до чего же благороден Хань Фэн: заметив, как он терзается из-за этой проблемы, он специально заговорил об этом, чтобы сгладить неловкость.

Уложив Хань Фэна и помогая ему устроиться, он сам осторожно забрался на кровать и лег у самого края, ближе к стене.

Когда рядом кто-то лежал, Чу Сюэвэнь отчетливо слышал, как дико и радостно бьется его сердце — казалось, в этой тишине не осталось ничего, кроме стука его собственного сердца, похожего на барабанную дробь.

Хань Фэн почувствовал его напряжение, и его губы сами собой тронулись улыбкой.

Он думал, что, как и прежде, будет долго ворочаться и не сможет уснуть, но неожиданно проспал всю ночь напролет.

Возможно, его успокаивал прижавшийся к нему книжник.

Проснувшись ото сна, Чу Сюэвэнь еще мгновение пребывал в растерянности. Потерев сонные глаза, он сонный и ничего не соображающий, случайно легонько провел рукой по телу лежавшего рядом человека.

— Не шевелись! — раздался над ухом голос, полный гнева.

Остатки сна слетели с Чу Сюэвэня в один миг.

Он резко сел.

А затем, залившись краской до самых ушей, запинаясь, пробормотал: — Про... прости. Я случайно не задел твою рану?

Хань Фэн, глядя на его вид, не удержался от смеха: этот книжник сейчас выглядел донельзя забавно, и ему безумно захотелось поддразнить его.

— Сюэвэнь считает, что за одно прикосновение можно отделаться извинением?

Такого развязного тона от Хань Фэна, всегда соблюдавшего правила приличия, Чжэ Сюэвэнь еще не слышал, и это показалось ему необычайно любопытным.

Его снова неудержимо потянуло поддаться очарованию.

Собрав последние остатки здравого смысла, он спросил: — И что же, по словам Хань Фэна, мне делать?

— Разумеется, позволить мне прикоснуться в ответ! — с совершенно серьезным лицом заявил Хань Фэн, словно и впрямь думал именно так.

— А... потрогать... в ответ? — книжник вспыхнул так ярко, будто собирался взорваться, и ошеломленно переспросил.

<http://bllate.org/book/22354/2342899>